

Служитель Слова

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ КИРИЛЛ — СЛОВЕСНИК, РИТОР, БЛАГОВЕСТНИК

Личность Предстоятеля Церкви, его вдохновенное, убеждающее, окрыляющее слово действуют не только на всякого верующего, но и на всех остальных, кто его слушает, столь благодатным образом, что невольно задаешься вопросом: в чем секрет такого воздействия слова? Может быть, в речах Святейшего Патриарха Кирилла есть какая-то тайна? С просьбой «поверить алгеброй гармонию» «Журнал Московской Патриархии» обратился к известному лингвисту, профессору Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина и Николо-Угрешской духовной семинарии Владимиру Аннушкину.

Что это значит: Патриарх Кирилл — словесник? Это значит служитель Слова. Слово — Бог, человек — образ Божий, значит, «словесный». Слово, воплотившееся во Христе, дано как «самый совершенный подарок Бога человеку» (Н. В. Гоголь). «Цель моей жизни, — говорит Патриарх Кирилл, — служение Богу» и, следовательно, служение Его Слово через свое пастырское слово.

А «словесники» — мы все, ибо это главная характеристика каждого человека: «Скажи мне слово — и я скажу, кто ты». Особенно важно это понимать служителю Церкви, от слова и общительности которого (дарования Божия) зависит, пойдут ли люди в храм к Богу и либо останутся в нем, либо покинут, потому что не найдут сердечного милосердия и божественной мудрости, которые обязательно должны проявиться в слове пастыря.

Что значит: Патриарх Кирилл — ритор? Ритор — мастер и учитель красноречия, в старину — добрословия, благоязычия, истинноглаголения, сладкогласия. Это у иных журналистов и политиков речь оппонентов называется «риторикой» — синонимом празднословия и лжеречия, но риторика — наука и искусство убедительной, подлинно украшенной, а лучше сказать, совершенной речи. Можно ли не стремиться так излагать свою мысль?

А риторы — также мы все, и мы бываем и злоязычниками, и пусторечивыми, и гневливыми, и льстивыми, забывая что «все беды человека — от его язы-

ка» и за каждое праздное слово дадим ответ в день суда. Перечитайте перечень грехов — вы увидите, что все они так или иначе связаны со словом или злословием. В чем же совершенство человека, если нам рекомендовано «быть совершенными» Отцом Небесным? Учитель Пушкина, профессор риторики и словесности в Царском лицее Николай Кошанский, ответил бы: «В силе ума и даре слова, в этой великой, Небом указанной нам цели».

Что значит: Патриарх Кирилл — благовестник? Несущий благу весть, словом сеющий в сердцах людей благо... «Евангелие» переводится как «благовестие». Святителем Крымского Луку благословлял духовный наставник, послушав его беседы: «Вы призваны не крестить, а благовестить». А мы все также призваны быть благовестниками, коли в народной мудрости нам предписывается: «сердце сердцу весть подает».

Честно говоря, не хочется растекаться мыслью по журнальному листу в рассказе о риторике, нужной не только каждому священнику как служителю слова, но и каждому гражданину. Не лучше ли показать это искусство практически — на примере слов-речей Святейшего Патриарха Кирилла, о котором ежеутренне православный народ молится, чтобы он был «цел, честен (чтим), здрав, долгоденствующ и **право правил слово Твоея Истины**»?

Главное, чем силен наш Патриарх, — сердечное умение чувствовать нерв событий, когда,

сообразуясь с вечными истинами, заповедями Божиими, он говорит о том, что волнует сегодня каждого, и тогда слово пастыря становится столь необходимым, что его невозможно не слушать. В этом его стилиевой замысел, а стиль есть своеобразное соотнесение мысли со словом и поступком, когда новая и неожиданная мысль оратора, выразительно и (не побоимся сказать) изящно оформленная, заставляет притихать и неотрывно слушать. Разберем несколько таких речей.

Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в Храме Христа Спасителя 7 апреля 2020 года начато напоминанием самого праздника: *«Сегодня мы празднуем великий двундцатый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы»*. Все как в старинной риторике: начать надо с темы... А дальше — оценка, и она вдохновляет и располагает к благоволению по отношению к оратору: *«Это событие, которое открыло новую эру в человеческой истории»*. И — неожиданный переход к главному, о чем будет вся речь, которая будет обращена к нерву сегодняшних событий, с тем чтобы привнести в мир благую мысль, весть, объяснительное слово:

Кстати, сегодня нередко мы слышим слово «кризис» — люди используют это слово, не всегда зная его прямое значение и смысл. А кризис — это перемена; в античности это слово означало перемену, причем не обязательно к худшему.

Теперь уже невозможно не слушать, потому что Патриарх заговорит о самом насущном — кризисной ситуации, связанной с пандемией. И — это обычно для речей Патриарха — он ставит вопрос и будет на него отвечать.

Итак, мы живем, несомненно, во время кризиса, а значит, мы живем во время перемены. И возникает вопрос, что это за перемена.

Ответ следует не сразу: чтобы заострить проблему, оратор описывает сегодняшнюю ситуацию, показывая, что фактически нет *«спасительных мест»*, где можно бы укрыться от эпидемии: если раньше такие места были, то теперь *«практически нет, потому что мы — перед лицом глобальной инфекции»*. И как точно и по-новому отмечено, что мы переживаем *«особое историческое время»*, заставляющее за-

думаться: что же это за *«вселенская напасть, от которой нигде нельзя укрыться»*?

Исходный ответ — самое общее объяснение, которое должно создать оптимистический настрой, что худшего сценария можно избежать:

Бог посылает болезни в наказание или в исправление, а иногда одно связано с другим. И очень важно, чтобы эта болезнь, этот страх смертный послужили всем нам в исправление. Мы в конце концов должны осознать истину, которая очевидна для человека, живущего по законам веры, но совершенно не очевидна для людей неверующих. Настал их час задуматься! Что же это за истина? А истина в том, что Бог — Творец мира, и от Него зависит человеческая судьба.

Ответ получен, но вот и следующая коллизия, которая объясняет, почему с этим очевидным для всякого верующего человека положением мир не соглашается. Объяснение будет простым и понятным: просто на место Творца мира и судьбы поставлен человек. И этим самодовольный человек гордился раньше и продолжает гордиться теперь. Самое выразительное — в том, что Патриарх скажет дальше; примеры, используемые им, заставляют вспомнить «Риторику» Ломоносова, который призывал учить, «удовольствуя речь примерами». Их читаешь с подлинным наслаждением, потому что получаешь удовольствие от

хорошего литературного языка, от логической выстроенности примеров, закономерно шествующих от античности до наших дней, красоты фигур речи и одновременно понятности и простоты стиля. И, как у хорошего школьного учителя, имеется ясность одной обсуждаемой мысли... А почему «по стремнинам не шатается глас его» (такую характеристику давали «златословным» риторам в XVIII веке)? Ответ у Пушкина: «Блажен, кто крепко словом правит и держит мысль на привязи свою». И конечно, для всех нас это образец полемической речи, примерами (пронумеруем их) разбивающей аргументы противника:

Казалось, что грандиозное развитие науки, начавшееся в конце XIX и захватившее весь XX и начало XXI века, привело к утверждению автономии человека, в том числе от Бога. Мы всё можем, мы великие и сильные, мы в центре мира, человек в центре бытия! Кстати, в этом нет ничего нового: (1) и в Античности человек провозглашался центром бытия. Тогда и боги были как люди, со своими страстями, которые любили, гневались, интриговали друг против друга, но античное религиозное сознание ставило их в центр духовной жизни. (2) Потом и в истории христианства наступил период возрождения античной культуры, так называемая эпоха Возрождения, и самой большой опасностью той эпохи было то, что человека снова поставили в центр бытия. (3) Последующие идеологии бережно сохраняли центральное место человека во вселенной. «Человек — это звучит гордо!» Каждый, кто изучал творения Горького, помнит эти слова, которые школьники моего поколения заучивали наизусть. **«Человек — это звучит гордо»**, и нет никакой другой силы, которая была бы в центре бытия.

А дальше автор этой статьи слышит то, что слышится на большинстве наших ученых советов и прочитывается в большинстве диссертаций: главный, мол, поворот, который совершила наука, — она, «инновационщица», повернулась наконец к человеку, поэтому и главное, магистральное направление в гуманитарных дисциплинах — антропоцентрическое. Доказать, что для благополучного существования человека не гордость человеческую надо ставить на первое место, а

именно Бога, Который охранит, спасет, умудрит, наставит, просветит, укажет путь, в иных случаях бесполезно, потому что современные антропосы-мудрецы просто не понимают, о чем идет речь... Вам скажут: «Мы всё это читали, проходили, изучали...» Почему скажут? Потому что каждый ученый увлечен своей проблемой и утверждает свою самость: он «звучит гордо...», и на месте Бога — или он сам, или его наука.

Сила слова Патриарха — в изобретении оригинальных объяснительных аргументов. Со студентами Николо-Угрешской семинарии я стараюсь сформулировать эти аргументы кратко, выстраивая композицию разбираемой речи. Тезис **«человек в центре бытия — это ошибка»** доказывается убийственным для оппонентов аргументом: **человек — преходящ, Бог — неизменяем**. Однако что важно для ратора и для вас, досточтимый внимающий читатель? Не только ЧТО, но и КАК будет изложен аргумент в стиле распространенной речи. Стиль — это и слова, и предложения, и построение фразы, которые затем воплотятся в произношении. Вот как выглядит стилистически это обоснование:

Антропоцентрическая цивилизация, / которая поставила человека в центр, вытеснив Бога из жизни, / сместив Его из центра на периферию бытия, / совершила страшную ошибку. А почему? А потому что человек / — это преходящее явление. У человека меняются вкусы, нравы, обычаи, убежде-

ния, даже система нравственных ценностей, / и в силу этой переменчивости не обеспечивается духовное преемство поколений, не обеспечивается целостность человеческой жизни. Потому что только Бог неизменяем, / только в Боге абсолютная истина, / в Нем абсолютная правда, / и если Он в центре человеческого бытия, / то задача человека заключается не в том, чтобы бороться с Богом и вытолкнуть Его из центра, / но чтобы принять Его в свое сердце и в свой разум и через это стать новым человеком, / живущим по Божиему закону, устрояющим жизнь по этому закону.

И надо уметь вернуться к началу и основной теме. А эта тема — кризис, перемена, и от нас зависит, будет «это перемена к лучшему или к худшему». Один из основных аристотелевских законов, придающих речи оптимистический, обнадеживающий характер, — говорить о будущем, а не заниматься судом прошлого. Если бы это понимали наши политики, деловые люди и иные священники! А Патриарх переходит к таким советам и прогнозам, заостряя внимание на опасностях и неверном выборе пути, который всегда возможен. Но за описанием возможных «неверностей» и «неправильностей» видится уже путь верный: Если мы будем впадать в панику, теряя человеческий образ, если даже эти сложные обстоятельства жизни не приведут нас к Богу, если мы в очередной раз потеряем шанс стать народом Божиим, тогда мы подпадаем под власть людей переменчивых, которые сегодня формулируют одни ценности, идеи, завтра — другие и очень часто начинают подавлять

ближних своих, чтобы только те ценности и идеи, которые они провозглашают, стали ценностями и идеями всех остальных.

Не могу не обратить внимание читателя на риторические (стилистические) фигуры, которыми выстраивается речь Патриарха. Я бы взял это предложение в школу для синтаксического разбора, если бы иные разборы не отвращали нас от языка, а способствовали бы восприятию его красоты и выразительности. Красоту, стилистическую сложность мысли современный человек должен научиться воспринимать, потому что краткость не всегда «сестра таланта», иная краткость — от бедности мысли и чувства, а распространенность — от богатства идей и подлинной «небесной красоты» (Ломоносов) нашего словесного языка. Разглядите, почувствуйте красоту строя приведенной выше фразы: анафора (единоначатие) с тройным повтором *Если... если... если...* — а всякий повтор (если это не тавтология!) способствует нагнетанию эмоциональности речи, усилению акцентировок смысла, но затем — удивительное разнообразие слов (повторяется только тема — «идеи и ценности»), объясняющих, что же произойдет с идеями и ценностями, если они будут переменчивы, как сейчас в Европе, и начнут особенно «подавлять ближних».

Предполагаемый вопрос от читателя: можно ли научиться так мыслить и так выражать мысль в слове? Может быть, это талант и вдохновение?

Или это — результат труда и учебы, хороших учителей и неусыпного бдения? Безусловно, и то и другое! Для каждого из нас оптимистично следующее: у каждого есть талант, и его надо открыть в себе, над ним надо вдохновенно и дерзновенно работать, не зарыть его в землю, просить Господа: «Научи, что ми подобает дерзновенно творити и глаголати». Конечно, это труд и учеба у хороших учителей (определите, кто для вас образец, и поразмыслите, чему вы у него/нее научились), чтение хороших книг (а православному человеку — и священнику, и студенту семинарии, и мирянину — и тут повезло: он читает главную книгу человечества — Священное Писание, которое потому и названо Библией (то есть Книгой), что здесь изложены проверенные тысячелетними испытаниями истины для неколеблемого стояния в мысли и слове).

Но вернемся к слову Патриарха и поучимся тому, что имеется в риторике как учении о мысли (Николай Кошанский ясно наставлял царскосельских отроков: «Риторика — наука изобретать, располагать и выражать мысли»). Есть такое понятие в теории, и ему надо бы поучиться практически, как «примышление», то есть присоединение одной мысли к другой, требующее остроумия, находчивости и сообразительности. Здесь подстерегает опасность, потому что иной оратор как начнет говорить, и по ассоциации одна его мысль цепляется за другую — и его уже не остановишь... Не от одного журналиста и работника телевидения, записывавшего «Слово пастыря», слышал, что Патриарх Кирилл «чувствует время» и заканчивает ровно через три минуты, если ему даны три минуты, и через десять минут, если даны десять.

Чтобы закрепить мысль (а она уже устремлена в будущее), Патриарх вновь рисует возможную «мрачную» картину, за которой «свет во тьме светит, и тьма его не объят». Значит, не бойтесь картин будущего, но предупреждайте о них:

Сколько же еще должно быть испытаний, сколько еще должно прожить человечество, чтобы уяснить простую истину: отказ от Бога немедленно поставляет в центр бытия человека с его несовершенством, с его переменчивостью, с его грехами, с его предпочтениями политическими, духовными, культурными? И невозможно объединить род человеческий вокруг этого сверхчеловека, потому что всегда найдутся другие, которые скажут: «Я хочу быть на

этом месте». Ведь история учит нас, что так оно и было. История знает кровавые перевороты, когда некие лидеры, часто вдохновенные и харизматичные, пытались занять центральное место в жизни людей, а потом находились другие, которые их свергали, и так до бесконечности.

Но закончить речь, точнее слово (почувствуйте стилистическую разницу между «речью» и «словом»), нужно, конечно, в безусловном свете:

Мы живем в эпоху перемен. Это и есть кризис, но от нас будет зависеть, перемены ли это к лучшему или к худшему. Для того чтобы перемена была к лучшему, мы должны вспомнить, что человек создан Богом, и в центре жизни человека должен быть Бог с Его законом праведным, непогрешимым; законом, исполнение которого приводит человека к подлинному счастью не только в его личной, сокрытой от других жизни, но в построении общественных отношений, отношений между человеком и природой, отношений человека и космоса. Если в центре — Бог, то ничто не дает человеку права разрушать окружающий его мир, следствием чего становятся катаклизмы, эпидемии, личное и общественное несчастье.

Итак, ничто не «разлучит нас от любви Божия» (Рим. 8, 38–39). И вот уже окончание речи, где по правилам (а правила — не догма, не стандарт, а творческое руководство к действию) необходимо подвести итог сказанному и вдохновить слушателей на будущее. Чем-то такое заключение-пожелание похоже даже на праздничное застолье, когда оратор формулирует «здравицей» прогноз на будущее, — и между прочим, как в простом семейном застолье, так и в церковном красноречии «слышатель» (так писалось во времена Ломоносова) ждет и жаждет искреннего и распространительного (по уместности!) слова. Вот как устремляет нас в будущее Святейший Патриарх:

А потому сегодня мы все молимся и просим Господа, чтобы Он простил грехи наши, чтобы поддержал нас, народ наш и весь род человеческий в это тяжелое время, дал возможность увидеть и понять пути Его Промысла, дал возможность и умом, и сердцем почувствовать Его присутствие и в жизни нашей, и в жизни рода человеческого, и во всей человеческой истории. Тогда то, что мы называем кризисом, временем перемен, будет кризисом во благо, переменной к лучшему. Об этом мы все должны сегодня молиться и, концентрируя свою волю и свои силы, стараясь в том числе делать все для того, чтобы не содействовать распространению инфекции, управлять своими поступками так, чтобы не наносить вред себе и окружающим. Тогда все мы сможем выйти из этого испытания совсем другими —

с сильной верой и сясным пониманием того, что Бог и есть Господин истории. Пусть именно к этому **радостному, светлому и вдохновляющему будущему** предрасположатся сердца и умы народа нашего и всех людей, чтобы, приняв Бога в сердце, мы могли действительно устроить тот мир, в котором бы грех стал небольшим-небольшим островком в океане любви. Аминь.

Мы, филологи, занимающиеся «словом» и «словесностью», обращаем внимание больше на язык и стиль, церковные деятели — на смысл и содержание; оттого первые недооценивают философско-нравственную сторону речи, а вторые — эстетическую, индивидуально-стилистическую выразительность речи. Патриарх Кирилл соединяет в своих «словах» и общении содержательно-смысловую и словесно-стилистическую области речи — вот почему так полезно нам понаблюдать и поучиться не только «**смыслу**», но и «**стилю**». Посмотрите, например, на развитие мысли (фигуру нарастания) в следующих синонимических выражениях — их могло бы и не быть у иного «простоговорящего», но здесь они и необходимы, и оправданны. Как бы обеднилась речь, если бы этих синонимов как дополнительных слов не было:

— *молимся и просим* Господа,
— чтобы поддержал нас, *народ наш и весь род человеческий*,

— дал возможность *увидеть и понять* пути Его Промысла, дал возможность (повтор!) *и умом, и сердцем* (параллельные конструкции) *почувствовать Его присутствие* (вы, читатель, улавливаете, что все это синонимические выражения?) и в *жизни нашей, и в жизни рода человеческого, и во всей человеческой истории* (три последних выражения — типичное «нарастание», «нагромождение», в музыке называемое крещендо — постепенное увеличение).

Не утомил ли автор читателя таким стилистическим разбором? Но деваться некуда: и слушание, и чтение — труд, и труд этот должен быть не усыпляющим разум, а побуждающим сознательно вдумываться в смысл каждой произносимой речи. Не потому ли наш «слышатель», убаюканный стилистическими красотами иных политических или рекламных речей, не понимает, что его сознанием попросту манипулируют научившиеся ложному красноречию риторы? А «ушеса слышателей», как писалось в «Риторике» XVII века, надо и «отверзнуть», и «усладить», но никак не «обременить»...

Итогом же разбираемой нами речи Патриарха Кирилла становятся «радость, свет и вдохновение к будущему» — это то самое эмоциональное обрамление нашей жизни, ее энергетика, настроение, с которым мы все должны покидать храм Божий, напитавшись встречами с нашими духовными пастырями.

«Основания красноречия суть страсти» — такими словами начинал книгу «Правила высшего красноречия» Михаил Михайлович Сперанский в 1792 году, будучи профессором философии и риторики и готовясь к карьере великого государственного деятеля. В сущности, умением «возбудить страсти» как чувства и эмоции и пользуются наши светские ораторы, манипулируя или доказывая «правдоподобное» впечатлительным слушателям. «Страсти» могут быть неверным установлением и состоянием духа человека (поэтому «Господи, избави мя от страстей!»), но Ломоносов в классификацию и описание страстей включил и любовь, и радость, и надежду, и милость: «Любовь сильна как молния, но без грома проникает, и даже самые сильные ее удары приятны. Ритор, который сию страсть в слушателях возбудит, уже во всем прочем над ними торжествовать может». Не в знании ли сердца человеческого, природы

чувств и страстей состоит одна из главных обязанностей служителя Богу, Церкви, Слову как воплотившемуся Христу, который самим словом своим способен устроить движения и жизни человеческих сердец?

Памятуя о пагубе страстей (Нил Сорский), будем помнить и о том, что просим Господа избавить нас «от окамененного нечувствия», ведь основанием риторики является нравственно-духовная сущность говорящего, стремящегося к «насаждению благих чувств... и высшей справедливости в человеческом обществе» (А. Ф. Лосев).

Влиятельность личности Патриарха, несомненно, связана с его словесным «дарованием», а о «многообразии дарований» всех членов Церкви говорит он сам, предполагая исполнение своего духовного подвига «через молитвенное общение и соборное делание». Наше молитвенное общение, как и общение во всех других формах, требует соответствия коммуникативным потребностям современного мира, о чем Святейший Патриарх высказывался не раз применительно к духовному образованию наших будущих пастырей. Посещая Николо-Угрешскую семинарию 22 мая 2018 года, он говорил не только о требованиях высокого интеллекта,

но и о «богословской подготовке, которая давала бы возможность поддерживать достойный уровень коммуникации с внешним миром».

Внимание, читатель! Сначала — богословская подготовка и интеллект, затем — коммуникация и коммуникативные, то есть словесные, речевые, способности и дарования. И такая последовательность будет и в Притчах (сначала — праведность и мудрость, потом — «радость человеку в ответе уст его, и как хорошо всякое слово вовремя»), и в Псалтири (сначала «сердце чисто созижди во мне, Боже...», а затем «Господи, устне мои отверзеш...»), и в Евангелии: сначала «Возлюби Господа твоего всем сердцем...» и восприми в заповедях блаженства нравы человеческие (нищету, кротость, алкание правды, миротворство...), а затем из «благого сокровища сердца своего» пусть «глаголют уста» твои. И при этом не забывай, что «за каждое праздное слово» ответишь «в день суда».

Общение с внешним миром предполагает воплощение в каждом из нас обсуждаемого «словесного дарования». Оно воплощается прежде всего в «проповеднической деятельности» — и Патриарх Кирилл отметил *возросший уровень проповеднической деятельности московского духовенства...*

Наши священники научились говорить языком, понятным для современного человека, и передавать истины православной веры так, чтобы эти истины воспринимались людьми сквозь призму их каждодневного опыта, — и это самое главное.

По ассоциации (а мы договорились о «примышлении») не могу не вспомнить о разговоре в кулуарах завершившегося I съезда Общества русской словесности Президента В. В. Путина с избранным председателем ОРС Святейшим Патриархом Кириллом, академиком РАО Л. А. Вербицкой, «главным» на тот момент русистом в нашей науке, и политиком В. А. Ивановым. «Вы занимаетесь главным делом в нашей стране» — так оценил В. В. Путин роль и значение **словесности**, а значит, и словесного образования, и всех речевых наук и искусств, развивающих наши дарования.

Святейший Патриарх часто говорит о языке — речи — слове, об умении общаться с людьми и реализации силы слова, которое сильно не само по себе (мало ли кто из наших обществен-

ных деятелей силен в красноречии?), но, как выразился сам Святейший, «единственная наша сила — это сила слова, сила веры, сила молитвы, сила убеждения». И эти четыре понятия: **слово, вера, молитва, убеждение** — пусть соединятся в единое целое, потому что «**Слово человеческое подобно Слову Божию**» (святитель Игнатий (Брянчанинов), и оно ведь только подобно, оно может стать всяким — и добрословием, и злословием, оно только должно быть устремлено к обожению... Цель Предстоятеля Церкви, как он сам говорит, — донесение Слова Божия, проповедь Божией правды, а «Слово Божие — это не слово человеческое»... Чтобы Слово Божие было донесено, нужны вера, молитва и сила убеждения; **вера** — как «уверенность в невидимом как бы в видимом» (свт. Филарет Московский), «особое состояние души, предполагающее чистоту ума и сердца» (из первой беседы в «Слове пастыря» митрополита Кирилла, посвященной вере); **молитва** — как постоянное собеседование с Богом и пребывание со Христом... А вот **убеждение**, основанное на внутреннем стоянии в вере, начинающейся в разуме и принадлежащей сердцу, — это также искусство, технэ, которому должно учиться. «Искусство находить способы убеждения» и есть предмет риторики, по Аристотелю. Очевидно, что риторике нужно учиться каждому, потому что речь — инструмент управления и организации нашей жизни во всех ее сферах: от семьи до СМИ, от политики и суда до школы и Церкви. Один из способов, по М. В. Ломоносову, — «подражание авторам, в красноречии славным». Очевидно, об этом данная статья.

И в заключение — вновь о «главном и важном». Завершая свое обращение к собравшимся в семинарии преподавателям и студентам, Святейший Патриарх Кирилл сказал, что самым важным образом деятельности является, на его взгляд, служение священника.

Нет ничего более важного, потому что священник апеллирует к человеческому сознанию, к человеческому сердцу, и он призывает людей к тому, что выше этого бытия. Ни одна область человеческого знания ничего подобного передать людям не может — ни философия, ни эстетика, ни культура; что-то приближается к этому уровню, но никогда в такой степени, как богословие.

Итак, богословие, точнее Бого-словие, Слово Божие, — через слово человеческое, Ему подобное.

Владимир Аннушкин